

Л. В. Хохлова

к. п. н.

г. Нижний Тагил, НТГСПА

ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

Социологический подход порождает различные общественные детерминанты и соответствующие им характеристики общества. Например, общество знаний, общество риска, социальное, постиндустриальное, информационное общество и др. Социальность в этом случае просматривается через взаимодействие социальных институтов и человека, востребованного социумом. Для философского подхода к пониманию социальности, на наш взгляд, неизбежна её экзистенциальная составляющая. Социальность выступает всегда как наше переживание своего времени, знание о нём, ощущение человеком собственного «я» и соотнесение этого «я» с данным ему миром. Причём знание о данности мира может быть явным и скрытым, что, по сути, не имеет значения. Традиционное общество, несмотря на его историческое разнообразие, характеризовалось определённой социальной индифферентностью в силу особого отношения к знанию. Это знание можно рассматривать как примитивное, наивное, догматизированное. Но это оценки другой социальности. В соответствующей ему исторической реальности это знание, гармонизирующее человека социально, переживающееся как практическое, магическое или нравственное знание. Известно, что теоцентричная эпоха возводила нравственные добродетели в основу общественного признания, социального статуса и социальной дифференциации. Дюркгейм справедливо считал религию основой социальности традиционного общества или, согласно его терминологии, «солидарности». В то же время попытка канонизировать нравственное знание как религиозное вызвало обращение к поиску знания за пределами религии. Как пишет русский философ Л. Шестов: «Оно (католичество) добивалось от людей крайнего напряжения всего их существа». Идея бедности порождала алчность, идея греховности любви – необузданные страсти, идея смирения – деспотизм. Это было не случайностью, а «...результатом вековой работы ряда поколений, почти сознательно стремившихся придать жизни возможно более тревожный и опасный характер» [5. С. 156-157]. Причём, что касается нового, оно было

прямо противоположным социальным ожиданиям. Создаётся впечатление, что идеи придумывались только для того, чтобы давать право уродовать людей. Против физического здоровья, против любви. Понятие «напряжение» встречается достаточно часто, когда речь идёт о смене ценностных акцентов знания. На наш взгляд, «напряжение» интегрирует скрытые экзистенциальные ожидания и реальные социальные возможности. Так Поппер, размышляя о древних греках, пишет: «Их рассуждения выражают то чувство сдвига, напряжения, развития, которое сопровождало возникновение нашей индивидуалистической цивилизации. Одно из древнейших выражений этого духовного напряжения восходит к Анаксимандру, второму из ионийских философов. Индивидуальное существование представлялось ему в виде $v\pi r i Q$ – нечестивого и зловредного акта несправедливости и узурпации, за который индивид должен страдать и приносить покаяние.... Причём, что удивительно, напряжение снимается рождением нового, противоположного традиции и социальным ожиданиям. «То, что они (ионийцы и Пифагор) отвечали на такие потребности и на собственное чувство происшедшего в них духовного сдвига не путём подражания Гесиоду и изобретения историцистского мифа о предназначении и упадке, а на пути построения традиции критики и дискуссии, а вместе с ними и искусства мыслить рационально, – представляет собой необъяснимый факт, который лежит в начале нашей цивилизации» [2. С. 235]. Поппер говорит, что «Парменид первым попытался искать спасения от этого напряжения при помощи интерпретации своего видения остановленного мира как выражения подлинной реальности и текучего мира, в котором он жил, как иллюзии. Истинное бытие «неделимо, ибо оно всё одинаково, а вот тут его ничуть не больше, а вот там ничуть не меньше» [2. С. 372].

«Наша индивидуалистическая цивилизация» началась с прессинга массовой культуры. Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, К. Ясперс отмечали массовый характер современного им общества, рождение массовой культуры, массового сознания, а, следовательно, и массового человека. На смену автономному индивиду приходит массовый индивид, который утрачивает личностные качества. Социальность находит выражение в совокупности стереотипов, ориентированных на успех, критерии которого опять же стереотипны. Фромм считает, что «...индивид перестаёт быть самим собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему

общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным «я» и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием» [4. С. 159]. При этом «заурядный человек считает себя незаурядным и даже выше других», опасным же является то, что «он провозглашает и утверждает право на заурядность и самоё заурядность возводит в право» [1. С. 211]. Общество постоянно декларирует свободу. Свобода предпочтительнее знания, она допускает «полузнание», преферирует мнение. Сам человек постоянно указывает на автономность своего бытия и независимость своего мнения. «Каждый человек искренне убеждён, что он – это «он», что его мысли, чувства и желания на самом деле принадлежат «ему». Но хотя среди нас встречаются и подлинные личности, в большинстве случаев такое убеждение является иллюзией...» [4. С. 159]. Это спасение от беспредельной свободы, необходимое человеку, поверившего в силу знания, но открывшего его бесконечность и изменчивость обнаруживаем в аналогии Фромма: он сравнивает, с одной стороны, отношение человека и свободы, а с другой, библейский миф об изгнании человека из рая. Напомним логику автора. Миф о грехопадении отождествляет человеческую историю с актом выбора, причём подчёркивает греховность первого акта свободы и страдания, которые явились его следствием. Человек, нарушив установленный богом порядок, преодолел принуждение. В позитивном человеческом смысле это акт выбора, акт свободы. Но первый акт свободы влечёт за собой страдания. Разрушается гармония между человеком и природой. Обособившись от природы и от другого существа, человек видит себя нагим, ощущает стыд. Он одинок и свободен, но беспомощен и напуган. «Свобода от...» не идентична позитивной свободе», – делает вывод Фромм [4. С. 39].

3. Бауман фиксирует появление негативного человека, отщепившегося от социальной ткани, от мысли о другом, лишённого мысли о другом, чувства солидарности и ответственности. Это «неукоренённый индивид». Он не связан ни с прошлым, ни с настоящим, он находится в состоянии аномии и изоляции. Человек, не готовый к свободе, предпочитающий веру ответственности за обретенное знание, оказался в обществе «индивидуализированном», в котором он ощущает: 1) утрату контроля над социальными процессами. 2) незащищённость перед переменами, которые он не в

состоянии контролировать и перед ситуацией неопределённости, в которой он должен жить; 3) неспособность планировать и достигать долговременных целей, жизненных стратегий и подмена их немедленными, пусть и не столь существенными результатами [3].

Рассмотрев некоторые аспекты знания как элемента социальности, отметим нелинейность процессов взаимодействия знания и социальности. Непонятны механизмы социализации знания. Просветительские иллюзии на освобождение человека через овладение знанием вряд ли предполагали «неукоренённого индивида». Но научное знание, порождая определённую свободу мысли, не тождественно свободе как социальной ценности. Научное знание, основанное на релятивистской картине мира, не усваивается повседневным сознанием, оно представляется странным, ненужным, не совпадающим с более приемлемым (или просто более удобным) личным мнением. «То, что происходит сейчас, это не знание и не направленность против разума. В действительности рефлексивный современный индивид лучше образован и более знающ, чем когда бы то ни было. А вот как раз меняется сам тип знания. Оно само по себе не прочно, поскольку удалено от определённости, и то, о чём это знание, так же является неопределённым – в большей мере вероятностным, чем характеризующаяся возможность», – пишет С. Лэш [3. С. 4]. Традиционное общество, основанное на подчинении больше, чем на свободе, поддерживало идентичность с природой, племенем, кастой, сословием, что давало индивиду чувство уверенности; фатальность бытия давало чувство сопричастности с миром. Но осознание потребности в свободе и происходит из невозможности гармонизировать себя с природой путём идентификации с ней. Чем большее значение и силу приобретает разум, тем очевиднее становится невозможность идентификации человека с природой. Процесс развития человеческой свободы – длительный процесс, он требует равновесия растущего могущества и растущей индивидуализации. По мере разворачивания исторической реальности неизбежно возникал конфликт, который отражён и в социальной природе интегрального знания, соединяющего в себе научное представление о мире и экзистенциальные смыслы их социальной адаптации.

Примечания

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2003. – С. 211.
2. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
3. *Федотова В. Г.* Факторы ценностных изменений на Западе и в России. Вопросы философии, 2005, №11.
4. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1995. С.159.
5. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л., 1991. С. 156-157.

А. А. Черкасова
УрГУ им. А. М. Горького

РЕЛИГИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В РОССИИ И США: ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Кризис и его последствия, безусловно, не могли не отразиться на жизни людей и их мировоззрении. Помимо очевидных изменений в экономической, политической и информационной сферах, значительные перемены мы можем наблюдать в социально-нравственном и духовном аспектах жизни общества, особенно среди молодого поколения. Как результат – появление духовного вакуума. Или все же духовного голода?

Патриарх Кирилл отмечает: «Только сильные духом и чистые сердцем люди справятся с проблемами, стоящими перед современным миром. И не нужно бояться признаться себе и окружающим в том, что религиозная и нравственная мотивация накрепко взаимосвязаны для большей части людей в России и мире» [1].

Каким же образом религия влияет на жизненные ценности студенческой молодежи? Проанализируем этот вопрос на основании результатов социологического исследования, проведенного нами в 2010 г. в России (г. Екатеринбург) и США (г. Миннеаполис, штат Миннесота) методом глубинного интервью. Выборочная совокупность составила 100 человек: 50 американских и 50 российских студентов в возрасте от 18 до 24 лет. Интервью проводилось на тему жизненных ценностей студенческой молодежи. В рамках интервью были обсуждены такие ценности, как семья,